

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОПУСТОШЕНИЕ СЕВЕРА

Была зима, и заснеженная земля расцветала пятнами пролитой крови. С выступа заледеневшего холма она видела, что огонь уже подобрался к ближайшей деревне. В бледно-голубое небо, словно гигантские когти, тянулись четыре извилистых языка дыма. Закатное небо заволочло дымкой, и она почувствовала во рту привкус дальних, уже догоревших пожаров. В одну из прошлых ночей она приняла доносившиеся издалека вопли за крики чаек, прилетевших с моря, которого ей никогда не доводилось видеть.

Когда-то она спрашивала о море у деда, великого путешественника, прибывшего из Дании вместе с королем Кнудом; он сказал ей, что море — это огромное, грязное серое чудовище, которое убивает людей, змея, опоясавшая своими кольцами весь мир, и каждому, у кого есть хоть капля здравого смысла, лучше держаться от него подальше. Норманнские воины, захватившие лежащую внизу долину, прибыли из-за моря, но не того, из-за которого пришли ее северные предки.

Норманны двигались вперед упорно, словно лавина. С самого рассвета она видела, как везде на их пути, будто черные флаги, от горящих домов вздымаются перья дыма. Чтобы выжить, Тола должна была убежать. У нее не было выбора.

Она промерзла до костей, но даже с этого расстояния могла почувствовать, что делают убийцы там, внизу. Она представила себя одним из них, ощутила, как разогрелись от тяжелой работы ее руки, как еще теплый труп животного, лежащий у ее ног,

и пожирающий все вокруг огонь наполняют ее тело радостью. На мгновение она почувствовала, что проникла в мысли норманнского воина — одного из них, настоящего либо воображаемого, — но настолько ярко и отчетливо, что он вполне мог быть настоящим. В нем был не только воинственный дух, но и лихорадочно-путаные мысли обычного человека. Он видел, как срубили под корень яблоню старой Нотгиз, как перерезали ее поросят, как люди, умирая от голода, приползали обратно, чтобы лизать их вмерзшую в ледяную землю кровь. Скованные морозом деревья и земля быстро тупили топоры, и приходилось часто натачивать их.

Видел он и то, как поля засыпали солью из раздутых повозок, следовавших за рядами воинов, а колодец отравили дегтем и трупами сыновей Нотгиз. Норманн знал, что соль — это лишь символический жест, но он был необходим для того, чтобы будущие повстанцы поверили: их земля будет бесплодной еще тысячу лет. Когда догорит ее дом и вместе с ним все имущество, он пустит своих людей вперед, а сам направит коня назад и галопом вернется, чтобы застать ее, выкапывающую спрятанное в земле зерно. Он знает все их хитрости. И только потом он уедет окончательно, а она, прежде чем умереть, постарается быть поближе к догорающему дому, чтобы согреться его последним теплом. Но ему нужно спешить. До конца дня эта сцена должна повториться еще раз. Он разыграл ее уже девятнадцать раз. Иногда он оставлял кого-нибудь в живых, чтобы тот, умирая, источал животный ужас до тех пор, пока не окоченеет. Иногда нет. Кого убить, а кого оставить в живых — этого не объяснишь разумом, это вопрос чувств, говорил он своим людям.

Она слышала, как слова отдаются эхом в его голове. Если бы он сказал их ей в лицо, она бы не поняла его языка, но где-то там, внутри ее разума, слова обрели бы смысл. Это был человек с суровым лицом, облысевший спереди, с крепкими сильными руками и большим животом. «Не оставить живой души от Йорка до Дурхема». А ведь это был весь мир.

Она пришла в себя и огляделась вокруг. Долина белела, словно маленькое шерстяное покрывало, которым бродячий шут прикрывает свои монеты на летней ярмарке. Сдержнув покры-

вало, он покажет всем, что монеты исчезли. Мир менялся, он исчезал, чтобы переродиться. Когда это случится, в новом мире для нее не будет места.

Сколько же там воинов? Чисел она не знала, но никогда не видела так много людей — даже на ярмарке в Блэкдейле. Их было больше, чем она когда-либо встречала, больше, чем она могла себе представить. Они пришли в долину, медленно ведя своих взмысленных коней сквозь бескрайние снега. Одна колонна с севера, другая с юга и третья из-за моря. Это была не западня и даже не окружение. Атакующим было все равно, остаются их жертвы умирать или убегают за горы. Смерть от пожаров или смерть от холода — в любом случае смерть.

— Да, — сказала она, хотя вопроса не прозвучало.

Человек, стоявший рядом с ней, должен был стать ее мужем. Хэлс. Он не был богат, хотя имел немного земли и несколько овец. Она была бедна, но достаточно красива, чтобы выйти за богача, — так говорила ее мать. За нее мог бы посвататься мужчина, владеющий пятью-шестью акрами земли. Она не хотела выходить за владельца пяти-шести акров. Ей нравился Хэлс. Весьма чувствительная, Тола могла проникнуть в мысли норманна там, в долине, и знала, что Хэлс был хорошим человеком. Она понимала его.

Ее проняла дрожь.

— Мы не можем оставаться здесь всю ночь, — сказала она.

Хэлс обнял ее, и она почувствовала его немой вопрос: «Что нам делать?» Он тоже был родом из Дании — его отец прибыл с королем Кнудом, чтобы стать здесь землевладельцем и вести хозяйство, поэтому Хэлс более склонялся к тому, чтобы доверять мнению женщины, чем коренной англичанин.

— Нам нужно подождать, пока они пройдут. А потом спуститься вниз и посмотреть, что там осталось.

Она видела, что он боится возвращения воинов.

— Им нужно всюду побывать. Для них это как охота. Какой мужчина не любит охотиться?

Он обернулся и жестом указал на небольшую пустошь за их спинами, которую окружали девять вертикально стоящих

каменной. Местные называли их «Девять дам». Считалось, что они оберегают долину. Сейчас они ничем не могли помочь.

Однажды в детстве солнечным утром, когда она поднималась на вершину холма, эти камни говорили с ней. Погода здесь была переменчивой, и в долину внезапно опустился серый туман — так быстро, словно день вдруг закрыл глаза. Блуждая в тумане, Тола оказалась среди этих камней. Сначала она вздрогнула от неожиданности, приняв их за людей, молча стоявших в тумане и глядевших на нее, но через миг поняла, что это просто камни. Она обошла вокруг них, пытаясь определить, куда ей идти. Последний был слегка повернут и своим углом указывал на утес Блэкбед и тропинку, ведущую к болотистой вершине холма. Оттуда шел крутой спуск вниз, она хорошо его знала. Туман охлаждал ей нос и щеки, шаль туго обхватывала тело, и Тола осторожно пошла вдоль изгиба утеса по направлению к мокрой пустоши на вершине.

Путь оказался труднее, чем она ожидала. Здесь, на вершине, шел небольшой дождь, но болото поглощало влагу. Сделав около двадцати шагов по влажной, чавкающей земле, она решила повернуть обратно, как вдруг под водой увидела его. Повешенный бог с почерневшей от долгого лежания в воде кожей, на шее обтрепанная петля, один глаз выеден, а другой, полуоткрытый, смотрит прямо на нее. Она оглянулась и сзади, за утесом, увидела девять камней — уже не камней, а восемь разъяренных женщин с копьями и щитами, вглядывающихся куда-то за долину. Где же девятая?

Перед ней возникло видение большой битвы на севере: лагерь викингов на берегу реки, неожиданно атакованных англичанами, чьи воинственные крики раздавались из-за холма. Без оружия и шлемов викинги пытались защититься от английского короля и его воинов.

А затем откуда-то издалека, из странной, белой от известняков земли, пришли другие люди — теперь она знала, что это норманны с их каплевидными щитами и бритыми головами. Король Англии со своими изнуренными воинами помчался на юг, им навстречу, и в каждом графстве, в каждой деревне к нему выезжали мужчины, чтобы присоединиться и освежить его

воинство, хотя они вполне могли бы идти шагом или вовсе сидеть дома.

Даже Тола знала, что было целью норманнского короля. Она чувствовала, что он испытывает по отношению к своим кораблям: это было знакомое чувство, которое она часто наблюдала у молодых, — зависимость и возмущенный бунт. Король не мог отходить далеко от своих кораблей. В случае поражения ему будет нужен путь к отступлению, а его войску необходимо пополнять запасы. Он уничтожал захваченную землю и все ее плоды. Этот человек с большим животом и железной рукой шел по выступу скалы. Он был уязвим, заносчив и переполнен возбужденной воинственностью. Он пришел сюда в слишком холодную пору. Он боялся зимы, боялся быть королем на этой, им же разоренной земле, где с кашлем, гниющими ранами и обморожениями умирали в шатрах его воины.

Тола почувствовала холод в животе, и перед глазами возникло видение: два ворона, кружащие на фоне мрачного заката. Король Англии не будет слушать советов. Его разум утонул в кровавой трясине. Он даст бой норманнскому королю. Она знала, что мертвец в болотистой мути — бог, вселившийся в разум английского короля, чтобы привести его к гибели, и истории об этом люди будут передавать друг другу еще тысячу лет.

Она мысленно проникла в трясину, а затем, через разум этого бога, в пылающий город, где на руинах сражались два гигантских существа, похожих на тени. Одна тень была волком, другая — богом с петлей на шее, и они вечно сражались под холодным солнцем. Бог вдруг повернул к ней свой единственный глаз, и она увидела сияющие символы, выражающие все на свете, — как ребенок вырастает во взрослого человека, как теленок становится коровой, как море бьется о берег и берег отступает назад. Вокруг было столько света, сколько она никогда раньше не видела. А затем наступила тьма.

Брат нашел ее в воде, полумертвую, и отнес вниз, в деревню.

Брат. Где он там, на этой выжженной земле? Вместе с отрядом мужчин он ушел в лес, чтобы устроить засаду для норманнов. Это задержало их и дало ей время убежать. Теперь его не было в живых. Она представила, как собаки, чей вес был опаснее

их зубов, повалили его на землю, слышала быструю тяжелую походку норманнского воина, приближавшегося к нему из леса. А потом ощутила удар кинжала под ребра.

Она остужала свои чувства с помощью холода, замыкая их подо льдом, под горячим желанием выжить.

— «Дамы» никогда не предлагали мне помощи, — сказала она Хэлсу.

Он еще крепче обнял ее, его руки дрожали от холода. Их согревали последние лучи солнца, пробившиеся из-за края холмов. Скоро им нужно будет идти и не останавливаться всю ночь, чтобы не замерзнуть на месте.

У Хэлса в бороде она увидела льдинки. А ведь не было ни ветра, ни дождя. Но даже без них она знала, что они не смогут провести ночь без укрытия.

Его глаза блестели от слез. Он был сильным человеком, и она никогда не видела его плачущим. Тола почувствовала: он хочет, чтобы она попросила помощи у «дам».

— Это противно воле Божьей. Так говорил священник.

Он вытащил нож.

— Это тоже.

— Орм и Инг Энд сделали такой выбор, — сказал Хэлс.

Он дрожал от страха, холода и отчаяния.

— Твой отец был северянином. Он бы сражался. — Она закуталась в плащ. — Ты не смог бы убить меня, Хэлс.

Он протянул ей нож.

— Сделай это сама, — сказал он. — Ты сильнее меня. Убей меня, а потом себя.

Она отвела глаза. Серебряная луна взошла и осветила долину — дымную, серую, с догоравшими пожарами и закатным небом на западе. Далеко от дома Альфреда снова вспыхнуло пламя. Норманны опять поджигали то, что осталось в деревне. Скоро они должны остановиться — хотя бы для того, чтобы позаботиться о своем ночлеге.

Внизу что-то засияло — кто-то высоко поднял меч, поймав отражение пламени от горящего дома. Издалека до нее долетел крик. Воины заметили их?

— Помнишь те стихи, что говорила Нана? О конце света?

Сурт придет с юга с карающим бичом,
Солнце богов войны засияет на его мече.
Скалы разойдутся, и гигантские женщины утонут,
Мертвых будет не счесть, и небеса будут расколоты.

Она перекрестилась.

— Это и есть конец света. Христос должен прийти, — сказала она.

— Так где же он? — спросил Хэлс.

Группа из шести воинов, казавшихся на расстоянии маленькими, как мыши, поскакала от горящей усадьбы по направлению к холму. Тола посмотрела на нож Хэлса — такой чистый, такой острый. Она была уверена, что клинок, отразив заходящее солнце, выдал их.

Бежать было некуда. Норманны сожгли все к югу от долины. Можно было укрыться в лесу, но это давало слабую надежду. Другого выхода не было.

— Я пойду к богам, — сказала Тола.

Она прошла вдоль гребня скалы к камням. В глубине души она знала ключ к тому, что сейчас искала. Боль. Отречение.

— Не останавливайся, Хэлс, — озабоченно произнесла Тола. — Беги вниз или иди со мной, но двигайся. Иначе ты умрешь.

Не нужно было быть очень чуткой, чтобы увидеть вопрос на его лице: «А ты?»

— У смерти уже была возможность взять меня здесь. Второй раз она меня не тронет.

Тола сняла шаль и положила ее на землю, затем сняла юбку и верхнюю рубашку и теперь стояла между камнями в рейтузах и нижней рубашке.

Хэлс ходил вдоль камней взад и вперед, вверх поднимались клубы пара от его дыхания. Они приняли решение, и он не хотел возвращаться к этому снова.

Позже Тола узнает, что в момент, когда вызываешь богов, все меняется: желание, чтобы они явились, превращается в желание, чтобы они не приходили. Она стояла, живая между мерзлых камней, и, испытывая невероятный холод, чувствовала

свою человеческую природу и уязвимость. Она знала, кого нужно искать. У этих народов еще была своя вера и свои истории. По воскресеньям они взывали к Иисусу, а если он не приходил, они оставляли жертвы и послания на камнях своим богам и эльфам. Она знала заклинание и теперь произнесла его, дабы понять, что им с Хэлсом нужно делать.

Госпожи долины, смотрящие денно и ночью,
Слушайте — я пою вашу гневную песню.

Все было здесь, как всегда, кроме криков норманнских воинов вниз и шагов Хэлса вдоль ряда камней.

Слушайте — я пою вашу гневную песню.

Она повторяла это снова и снова, и смысл слов стал ускользать от нее. Гневная песня. Гневный певец. Она вспомнила старые слова. Вотан. Один, как звала его семья Хэлса. Смерть в его шлеме, смерть в его петле, в водах трясины. Ногти его почернели, кожа задубела. Хэлс продолжал мерить шагами пустошь. Она чувствовала его страх, как свой собственный, у нее скрутило живот, и она ощутила позыв испражниться. Затем это ощущение утихло и она еще больше замерзла.

Как долго она была там? Всегда.

Она была камнем, хранящим долину. Ее сестры стояли рядом, глядя вниз и протягивая к небу темные крылья.

Вдруг она услышала знакомое имя. Валькирии — так называл их ее отец.

«Подбирающие убитых. Темнее туч, они осматривают землю...»

У нее появилось ощущение полета, огромных крыльев, рассекающих небо: крыльев ли, теней — она не могла сказать точно. Она слышала крики воронов, холодный ветер бил ей в лицо.

Ее тряс Хэлс. Он пытался сказать ей, что сюда идут враги.

В небе сиял огромный полумесяц, но здесь, на холме, стелился туман.

Она возвышалась над ним и видела, как головы всадников появляются из тумана, словно они плывут по озеру. Тела коней плыли в тумане, как огромные рыбы в мутном море, а перед ними неслись копыта всадников.